



КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

А. М. ПЕШКОВСКИЙ

Р У С С К И Й
С И Н Т А К С И С
В Н А У Ч Н О М
О С В Е Щ Е Н И И



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2001

ББК 81.2Рус-2
П 23

Пешковский А. М.

П 23 Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с. разд. паг.

ISBN 5-94457-019-9

Настоящее, восьмое, издание печатается по тексту седьмого с добавлением статьи акад. Ю. Д. Апресяна, раскрывающей вклад «Русского синтаксиса...» в русистику и актуальность идей А. М. Пешковского для современной теоретической и прикладной лингвистики.

ББК 81.2Рус-2

Александр Матвеевич Пешковский
РУССКИЙ СИНТАКСИС
В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Издатель А. Кошелев

Подписано в печать 30.08.2001. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. п. л. 43, 86. Заказ № 4565

Издательство «Языки славянской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru Каталог в ИНТЕРНЕТ
<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© Ю. Д. Апресян. Предисловие, 2001

Ю. Д. Апресян

«Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики¹

1. Вводные замечания

Классическая книга А. М. Пешковского, отмеченная в свое время премией Академии наук, рождалась в сложной борьбе идей, определявших лингвистическую жизнь первой трети XX столетия. Во-первых, это столкновение школьной и научной грамматики и попытка поднять уровень теоретичности школьной грамматики за счет более строгих определений основных грамматических понятий. Во-вторых, это конфликт между историческим описанием языка — господствовавшим типом научного описания в ту эпоху — и потребностями сугубо практического преподавания современного языка с целью повышения уровня грамотности говорящих и пишущих на нем людей². В-третьих, это конфликт между психологизмом предшествующей эпохи (А. А. Потебня) и формализмом фортунатовской школы русской лингвистики. В-четвертых, это конфликт между требованием марксистской идеологизации всех областей научного знания, во всяком случае на уровне обязательных к исполнению фразеологических штампов, и эмпирическими данными конкретной науки. В-пятых, это конфликт между усиливавшимся давлением марризма и здравым смыслом.

¹ Данная работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 00-15-98866. Одна из предварительных версий статьи была прочитана М. Я. Гловинской и С. А. Крыловым, которым автор выражает признательность за ценные критические замечания.

² Полезно вспомнить тогдашний школьный анализ частицы *-ся* в составе возвратных глаголов как прямого дополнения глагола — на том единственном основании, что исторически она возникла из возвратного местоимения *себя*. Диахрония, конечно, связана с синхронией, но не до такой степени.

Книга А. М. Пешковского — одно из первых полных описаний синтаксиса всего русского литературного языка, включая его разговорную разновидность, — несет на себе печать этого противоречивого и драматически напряженного времени. Ее новизна и редкая для той эпохи ясность изложения сразу привлекли к ней всеобщее внимание. Она оказалась в центре бурной дискуссии, в которой прямо или косвенно, очно или заочно участвовали такие выдающиеся деятели нашей науки, как С. И. Бернштейн, В. В. Виноградов, М. Н. Петерсон, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба и многие другие. Книгу в равной мере и хвалили, и ругали. Хвалили за преодоление недостатков школьной грамматики, полноту и богатство материала, филигранность анализа; Л. В. Щерба называл ее «сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком»³. Ругали за формализм, эклектику и даже идеализм⁴, за плохие определения, концептуальную противоречивость и другие грехи. А. М. Пешковский с чем-то соглашался, на чем-то настаивал и перерабатывал книгу от издания к изданию, вплоть до капитальной переработки (до пяти шестых текста) в третьем (последнем прижизненном) переиздании.

Сейчас нет смысла входить в перипетии этой дискуссии. Ее догматические тонкости хорошо отражены в обширном аналитическом обзоре С. И. Бернштейна «Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского», предпосланном шестому изданию «Синтаксиса». Единственное, что, может быть, стоит подчеркнуть в связи с ней, — неосновательность претензий к теоретической части «Синтаксиса», особенно к определениям основных синтаксических понятий. Претензии неосновательны не потому, что А. М. Пешковский прав, а его критики ошибаются, хотя в ряде случаев безусловное преимущество на стороне автора «Синтаксиса» (см. об этом ниже). Они неосновательны, потому что не предполагают никакой методики доказательства и, следовательно, принципиально не допускают верификации. С другой стороны, они имеют предметом критики тезисы, которые столь же мало верифицируемы. В самом деле, можно ли всерьез обсуждать формулировку, что слово — это «диалектическое единство формы и содержания», а не «геометрическая сумма этих двух рядоположных в пространстве величин» (С. И. Бернштейн)? Конечно, нельзя. Мож-

³ Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 78.

⁴ См. В. В. Виноградов. Идеалистические основы системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия // В. В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.

но ли эффективно проверить определение формы слова как «свойства..., в силу которого оно распадается по звукам и по значению на основу и формальную часть, причем по звукам формальная часть может быть и нулевой» (16)⁵? По-видимому, тоже нет, хотя оно и носит несколько более деловой характер⁶.

К сожалению, в ту эпоху лингвистике был неизвестен логический инструментарий, необходимый для ведения металингвистических дискуссий. В частности, была неизвестна возможность рекурсивных определений и связанных с ними определений по прототипу. Поэтому считалось, что языковой или текстовый объект, определяемый дефиницией Р, должен обладать всеми указанными в Р признаками. Только в 60-е и 70-е годы, сначала в работах Э. Кинена⁷, а потом и других авторов, было предложено в качестве базы рекурсии выделять бесспорный прототип, по поводу принадлежности которого к данной категории не может возникнуть никаких разногласий. Прототип обладает признаками данной категории в полном объеме. Более периферийные («непрототипические») ее представители могут обладать лишь частью таких признаков, не обязательно одной и той же в разных случаях, но настолько весомой, что ее достаточно для отнесения данного явления к той же категории.

С другой стороны, сама техника определений была очень непритязательной. Если исключить эзотерические и искусственные системы Л. Блумфильда и Л. Ельмслева⁸, никто не заботился о логике всей системы определений лингвистических понятий, последовательно развиваемой из какого-то исходного набора неопределяемых понятий. В нашей лингвистике серьезная работа в этой области началась только в 60-е годы. Я имею в виду прежде всего работы А. А. Зализняка по русскому словоизменению и фундаментальный труд И. А. Мельчука по общей морфологии. В них все лингвистические определения строятся на базе множества неопределяемых лингвистических или общенаучных понятий, из которых последовательно выводятся более сложные понятия⁹.

⁵ Все ссылки на страницы «Синтаксиса» даются по его седьмому изданию (М., 1956).

⁶ Справедливости ради отметим, что сам А. М. Пешковский не преувеличивал значение своих дефиниций, предлагая смотреть на них как на рабочие определения, из которых не следует делать широких выводов.

⁷ E. Keenan. Towards a Universal Definition of 'Subject' // *Linguistic Inquiry*. 1976.

⁸ L. Bloomfield. A Set of Postulates for the Science of Language // *Readings in Linguistics*, edited by M. Joos. Washington, 1957; Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка // *Новое в лингвистике*. Вып. I. М., 1960.

⁹ См. А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967; Егуже. Грамматический словарь русского языка. М., 1977; Igor A. Mel'čuk. *Cours de morphologie générale*. V. 1—5. Montréal, 1993—2000.

На этом фоне большая часть определений А. М. Пешковского, вокруг которых 70 лет назад развернулись жаркие баталии, может претендовать разве что на исторический интерес. Сейчас «Синтаксис» интересен не этим.

Чтобы понять секрет долголетия книги А. М. Пешковского, которая до сих пор остается лучшим введением в синтаксис русского языка, нужно ясно представить, что значит «обладать лингвистическим знанием синтаксиса такого-то языка». Мне кажется, что человек знает синтаксис лингвистически, если он а) знает основные и периферийные синтаксические конструкции языка, причем его знание конструкций тем совершеннее, чем больше лингвистически интересных свойств каждой конструкции и каждой входящей в ее состав элементарной языковой единицы, включая лексические, он может назвать; б) понимает связи и взаимодействия разных конструкций и пути перехода одних конструкций в другие в почти непрерывном синтаксическом пространстве языка; в) умеет группировать конструкции по их семантическим или формальным свойствам и выстраивать их в том или ином порядке в зависимости от поставленной задачи.

«Синтаксис» А. М. Пешковского универсально интересен, потому что это хорошо организованный и представленный простыми и ясными словами перечень синтаксических конструкций русского языка, обозреваемых во всех указанных выше аспектах (см. ниже раздел 3.1). В основе этого перечня не только безупречное знание огромного корпуса фактов и безошибочная лингвистическая интуиция, но и глубоко продуманные теоретические принципы описания. Они ясно ощущаются в работе А. М. Пешковского, хотя, в отличие от дефиниций, он нигде их не эксплицировал.

Ниже я начну именно с этих теоретических принципов, а затем очень коротко остановлюсь на систематике А. М. Пешковского и его открытиях.

2. Принципы

2.1. *Связь формы и значения*

Свой «Синтаксис» А. М. Пешковский задумал как синтез учения А. А. Потебни, с его вниманием к семантической стороне языковых явлений, и учения Ф. Ф. Фортунатова, с его вниманием к формальным языковым средствам. За вычетом некоторых (немногих) неудачных решений, эта попытка синтеза увенчалась успехом: получилась отнюдь не эклектическая смесь, как думали С. И. Бернштейн и В. В. Виноградов, а органическая и продуманная концепция синтаксиса.

Чтобы понять исключительную важность шага, сделанного А. М. Пешковским, стоит вспомнить две крайности, которыми грешили лингвистические описания той поры. Первая крайность — семантический радикализм; ср., например, определение существительного как части речи со значением предметности, глагола — как части речи со значением действия, предложения — как группы слов, выражающей законченную мысль, и т. п. — без учета морфологических, синтаксических и иных формальных свойств соответствующих объектов. Вторая крайность — формальный радикализм, заставлявший видеть, например, в словоформе *жене* две разные грамматические формы существительного *жена* (дательный и предложный падежи) на том основании, что это различие не маркируется на уровне означающего¹⁰.

А. М. Пешковский положил в основу лингвистического анализа принцип, в соответствии с которым лингвистически значимым признается семантическое различие, которому соответствует какое-то формальное различие, и наоборот. При этом для А. М. Пешковского формальное различие — это не только различие грамматических форм, но и порядка слов, интонации, некоторых лексических элементов (ср. его анализ количественных конструкций с так называемыми «малыми» числительными *два, три, четыре* в противоположность конструкциям с «большими» числительными — начиная со слова *пять*). Более того, формальные различия он устанавливал и в тех случаях, когда никаким материальным, вещественным элементом языка они не выражены, а должны быть постулированы исследователем исключительно в силу системных связей данной единицы с другими единицами языка. В словоформах *стол, кулак, рос, лез* он усматривал нулевые окончания на том основании, что они входят в определенные грамматические ряды, другие члены которых выражают то же самое значение (ИМ ЕД или ПРОШ ЕД МУЖ) материально присутствующим аффиксом (ср. *стен-а, писа-л*). Так в его системе появились многочисленные нулевые аффиксы, нулевая связка (против которой энергично возражали его современники) и другие лингвистически оправданные конструкты, без которых невозможно представить себе сегодняшнюю лингвистику.

Указанный принцип позволил А. М. Пешковскому серьезно продвинуться по сравнению с предшественниками в решении ряда важнейших проблем теоретического синтаксиса. Помимо уже упо-

¹⁰ Сейчас трудно себе представить, что это могло утверждаться всерьез в XX веке, но такое понимание формы слова разделяли многие выдающиеся современники А. М. Пешковского.

мянутой проблемы морфологических и синтаксических нулей я назову еще некоторые, выбранные, по необходимости, достаточно произвольно.

Сказуемость. Господствовавшему в его время чисто семантическому определению предложения (см. выше) А. М. Пешковский противопоставил свое учение о сказуемости как категории, конституирующей предложение (165—182). Ядром этой категории он считал глагол в личной форме (формальный признак), выражающий значения времени и наклонения, т. е. модальности (семантический признак)¹¹. Это был, говоря современным языком, «прототип» сказуемости. По аналогии с прототипом А. М. Пешковский усматривал сказуемость а) в конструкциях с нулевой связкой (ср. *Мне стыдно* <грустно>, *Я рад* <голоден>); б) в конструкциях со словами *есть*, *нет*, *на* (ср. *На книгу*), *вот*, *вон* (*Вот ручка*, *Вон мостик*) и некоторых других; в) в инфинитивных предложениях типа *Быть грозе* (381); г) в отдельных словах или группах слов, произнесенных с особой фразовой (он говорил — фразной) интонацией; ср. *Вчера?*, *Абсолютный штиль*, *Учиться!*. Более того, он постулировал сказуемое даже в предложениях, где ни малейшего намека на него не было, таких, например, как *Спокойной ночи!*, *Карету мне!*, *Полцарства за коня!* и т. п. В них отсутствие сказуемого — «одна видимость, внешность» (284), на самом деле сказуемое невидимо присутствует, мыслится, подразумевается, хотя всякая попытка восполнить его словарно (*Желаю спокойной ночи*, *Обещаю полцарства за коня*) «производит впечатление неуместной конкретизации» (там же). В результате получился очень хороший охват синтаксических конструкций русского синтаксиса и гораздо более надежное средство установления синтаксической, чем чисто семантическое условие «законченности мысли».

В связи с рассуждениями о сказуемости А. М. Пешковский присоединился к старой мысли о глаголе как синтаксическом ядре предложения. С. И. Бернштейн в своем обзоре отмечал, что в этом отношении он был близок к В. Гумбольдту, А. А. Потебне, Ф. Ф. Фортунатову и Д. Н. Овсяннику-Куликовскому. Я бы хотел подчеркнуть еще его близость к Л. Теньеру; ср. мысль последнего о глаголе с его актантами и сирконстантами как о синтаксической вершине предложения¹². В контексте «Синтаксиса» А. М. Пешков-

¹¹ Нетрудно заметить, что понятие предикативности, которое позднее развивал В. В. Виноградов, с точностью до терминологических различий совпадает со «сказуемостью» А. М. Пешковского.

¹² См. L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale* Paris, 1969; написано в 1925 году.

ского эта мысль вдвойне замечательна, потому что он вошел здесь в явное противоречие с самим собой, а именно, с утверждением, что главным — абсолютным независимым — членом предложения является подлежащее¹³. Из этого следует, что своей лингвистической интуиции он доверял больше, чем теоретической догме.

Любопытно, что А. А. Шахматов считал этот «дифирамб глаголу» незаслуженным¹⁴, а С. И. Бернштейн назвал всю эту концепцию «в корне ошибочной», между тем как во многих современных теориях синтаксиса представление о глаголе в личной форме как синтаксическом ядре предложения принимается в качестве аксиомы.

Синтаксическая омонимия. Анализируя неоднозначность предложения *Вели ему помочь* («он должен помочь кому-то» и «кто-то должен помочь ему»), А. М. Пешковский проницательно заметил, что «в двух таких пониманиях кроются две разные формы словосочетания» (45), т. е. каждому значению соответствует своя форма (сейчас мы бы сказали — своя синтаксическая структура). Если *ему* зависит от глагола *велеть*, получается первый смысл, а если *ему* зависит от *помочь*, получается второй смысл. Так в его «Синтаксисе» была введена тема синтаксической омонимии.

При этом А. М. Пешковский предвидел естественное в его эпоху возражение: в предложении *Вели ему помочь* нет «никаких внешних признаков, с помощью которых можно было бы отличить одну форму словосочетания от другой» (там же). Его контраргументация в этом случае была точно такой же, как в случае нулевых окончаний, т. е. покоилась на системных соображениях. Омонимичное словосочетание *Вели ему помочь* входит в два разных ряда словосочетаний, среди которых есть и неомонимичные, т. е. маркирующие различие синтаксических структур и значений материально разными грамматическими формами; ср. *Заставь его помочь* (форма ВИН *его* может зависеть только от *заставь*, «он должен помочь кому-то») и *Заставь ему помочь* (форма ДАТ *ему* может зависеть только от *помочь*, «кто-то должен ему помочь»).

¹³ Надо сказать, что А. М. Пешковский переоценивал «абсолютность» независимости подлежащего. Конечно, личный глагол согласуется с подлежащим в числе и лице, но он подчиняет подлежащее в гораздо более важном отношении: он навязывает ему падеж (прототипически — именительный), который и конституирует его как подлежащее. Если в модель управления глагола именительный падеж (или его синтаксический эквивалент в виде инфинитива, целого предложения и т. п.) не входит, в предложении, формируемом таким глаголом, подлежащего совсем не будет. Таким образом, не готовое подлежащее повелевает глаголом, а глагол предписывает, быть при нем подлежащему или нет.

¹⁴ Цитируется по обзору С. И. Бернштейна.

А. М. Пешковского можно считать первопроходцем в исследовании проблем синтаксической омонимии. Его знаменитые примеры *Весло задело платье* или *Мать любит дочь* (омонимия подлежащего и дополнения), *детская улыбка* (либо 'улыбка конкретного ребенка', и тогда *детский* — актант улыбки, либо 'похожая на улыбку, какая бывает у детей', и тогда *детский* — атрибут улыбки), уже упоминавшееся *Вели ему помочь* и многие другие давно утратили авторство и стали хрестоматийными.

После работ Н. Хомского, появившихся тридцать лет спустя¹⁵, стала вполне очевидной теоретическая важность явления синтаксической омонимии. От того, в какой мере и на каком уровне разные лингвистические модели способны различать омонимию высказываний, зависит оценка степени их адекватности естественному языку. Например, фразе *детская улыбка* можно приписать только одну структуру непосредственных составляющих, между тем как трансформационная модель в духе Н. Хомского, возводя ее к двум разным источникам (см. выше), позволяет установить ее синтаксическую и смысловую неоднозначность. Более тонкая модель «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» И. А. Мельчука увидела бы в этой фразе одну поверхностно-синтаксическую структуру (существительное и определение к нему), но две разные глубинно-синтаксические — с первым актантным подчинительным отношением в одном случае и с атрибутивным во втором.

Позднее, в связи с развитием работ по автоматическому синтаксическому анализу текста для целей машинного перевода и других прикладных задач, обнаружился поистине гигантский размах этого явления в текстах на естественных языках и исследование синтаксической омонимии выделилось в самостоятельную область теоретического и прикладного синтаксиса¹⁶.

¹⁵ См. Н. Хомский Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.

¹⁶ До эпохи компьютерной лингвистики открытие истинного масштаба синтаксической омонимии было невозможно. Человеческий глаз не замечает смысловую и синтаксическую неоднозначность большинства предложений на естественных языках, а машина видит ее сразу. Например, для человека фраза *Моих детей зовут Коля и Маша*, во всяком случае на первый взгляд, однозначна. Между тем машина, переводя ее с русского языка на английский, без труда обнаружила омонимию. Ср. выданные машиной переводы *The names of my children are Kolya and Masha* и *It is Kolya and Masha that are calling my children* (эксперимент Л. Л. Иомдина).